

ВЛАСТЬ МИФА И МИФ О ВЛАСТИ

Рязанова Светлана Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Пермского филиала Института философии и права УрО РАН отдела политических институтов и процессов

Представления о власти, как символе упорядоченности общества, являются столь же древними, как и само человечество. Будучи обусловлен культурными константами, образ власти и её носителя трансформировался в унисон с изменениями поля культуры. В этом процессе, на наш взгляд, допустимо выделить некоторые постоянные составляющие, определяющие бытие идеи власти и управления.

Одной из таких констант является мифологическое восприятие мира. Оно не только формирует образ и статус властных культур в архаических обществах, но и оказывает значительное влияние на понимание феномена политического в современных философских учениях.

Ряд характеристик мифологического сознания определяют в корне облик и принципы поведения субъекта и объекта политических отношений (если условно выделить политическое как некую сферу мифовосприятия мира).

Во-первых, в мифе нельзя выделить материальное и духовное начала, как правило, они существуют в единстве. Каждый предмет, вещь или явление являются одушевлёнными, содержат в себе либо священное существо, либо душу. Всё в мире имеет единый источник происхождения, совмещающий материальное и духовное состояния. Всеобщая одушевлённость порождает равноправие людей и окружающих их вещей. При знакомстве с мифологическими сюжетами возникает ощущение зыбкости, иллюзорности границ между вещами и существами. Единый источник возникновения всего в мире постоянно напоминает о себе. В социальном плане это равноправие рождает единый, не обсуждаемый кодекс поведения, лежащий

в основе общественного устройства. Все члены общества в одинаковой мере подчинены космическим законам, воплощением которых становится государство. Это означает не наличие социального равенства, а равную соотнесённость человека и миропорядка. Поэтому в древнем Междуречье в строительстве храма, конструирующего сакральное пространство, принимали участие все общинники, включая семью главного жреца.

Одновременно для мифа характерно единство общего и единичного: так, один бог символизирует все растения или все болезни. Имена богов и образуют систему понятий в мифологической культуре, на которой основывается миропонимание и которая не находит себе замены. Объединение, тождество общего и единичного позволяет использовать магию как средство воздействия на определённый объект: чтобы оказать влияние, достаточно сделать это по отношению к подобию существа или предмета. В мифе также едины целое и часть: любая вещь или человек выступают как целостный микрокосм. Воздействие на такую целостность может осуществляться через какой-либо её элемент. Представление о завершенности и качественной природе любого объекта порождает распространённость принципа талиона как способа возмещения причинённого ущерба и восстановления космического равновесия.

Миф объединяет вербальную и мифологическую реальность. Другими словами, материальное и идеальное воздействие имеют равную силу. В такой ситуации сформулированные законы государства представляют собой продолжение и воспроизводство космогонического процесса, нарушение которого эквивалентно внесению Хаоса в мир.

Картина мифологического мировосприятия дополняется единством человека и Космоса в соотнесении с нераздельностью души и тела. Поэтому представлений о душе как начале, противостоящем телесности, не существовало, как и положений о внутреннем мире человека. При этом человека характеризовали через его отношение к Космосу — правильное или неправильное. Попытка выйти за грань своего места в мире жестоко каралась. Внешняя жестокость систем законодательства древнего мира объясняется не нецивилизованностью архаических народов, а стремлением всеми силами сохранить космический континуум.

Благодаря постоянной связи с Космосом, ничто в мифе не является обиденным. Каждое действие каким-то образом соотносится с божественной, космической деятельностью, никогда не остаётся незамеченным. Так, человек мифа всегда живёт на границе сакрального и профанного пространств.

Мифологическая культура в любом из своих вариантов функционирует по единому принципу, называемому исследователями АРХЕ. Это некий идеальный образец, возникший изначально и определяющий протекание всех событий и существование всех вещей. Таким образом, возникает особый мифологический круг: все человеческие действия постоянно возвращаются к этому образцу.

Поскольку для мифологической культуры существует определённый образец, и все действия являются космически значимыми, миф фатален, то есть всё осуществляется по тому плану, который намечен судьбой. Для человека не существует никакой свободы выбора, только космическое предназначение. В социальном плане это отражено в закреплённой системе обязанностей и принципов поведения.

Однако, несмотря на внешнее различие, обе группы мифов едины по своей природе. В их основе лежит одна тема — борьба Космоса как упорядоченного существования с неукротимой и неупорядоченной энергией Хаоса, из которого изначально и возникает весь космический мир. Хаос для мифологического человека является олицетворением отсутствия бытия, он вселяет ужас и грозит всему миру исчезновением. Поэтому боги и герои мифов всеми силами стремятся упорядочить Хаос, космизировать мир. Соблюдение обрядов и проведение праздников как раз и являлось попыткой людей поддержать существующий миропорядок, повторением актов космизации засвидетельствовать соблюдение правил существования и дать реальный отпор Хаосу.

Человек, выполняющий ритуал, является и символом космической упорядоченности, и образцом сакрального принципа упорядоченности. Космическое предназначение человека сводится к потенциальной возможности взаимодействия в качестве посредника и образца идеи упорядоченности.

Таким образом, миф представляет собой изначальный механизм функционирования культуры, реальную действительность, в которой существует человек. Это целостная система миропосредствования, подчиняющаяся единому принципу и раскрывающаяся человеку в символических образах.

Большинство известных мифологических систем подчиняются указанным принципам и на их основе конструируют образ идеального субъекта как носителя власти.

Так, конфуцианские тексты подчёркивают, что под управлением, прежде всего, подразумевается процесс «упорядочения», «наведения порядка», как на уровне отдельной личности, так и на уровне общества и государства. Конфуций утверждает: «Управлять — значит упорядочивать». Наведение всеобщего порядка становится сверхзадачей и конечной целью культурного развития. Тотальный порядок должен охватить все сферы человеческой жизни и поведения: отношения между всеми слоями общества, нормы поведения, одежда причёска, вкусы и привычки, психическая и речевая деятельность, вплоть до сексуальной жизни.

Воплощением такого порядка является лицо, управляющее государством. Центр пространства обязательно совпадает с сакрально-политическим фокусом культуры. Это место персонифицировалось правителем и соотносилось с царской резиденцией и столицей. Через такое отношение определялась вся ойкумена, что в Китае находит отражение в самоназвании страны — Центральное (Срединное) государство (Чжунго).

В Египте считалось, что царская власть существовала с начала мира. Первым царём был сам демиург. Жесты и деяния фараона описываются в тех же самых терминах, что и деяния бога Ра: «он заменил хаос порядком». Фараон является воплощением маат, что можно перевести как «истина»,

«добрый порядок». Маат относится к первоначальному творению и отражает совершенство «Золотого века». Фараон является воплощением маат и образцом для всех своих подданных. Даже во время политических волнений институт монархии не ставился под сомнение. Деятельность фараона направлена на поддержание космического порядка и защиту от хаоса, которому уподобляются все враги Египта. Фараон был единственным героем исторических событий. Подвиги одного фараона наследовались другим. Именно он руководил закладкой и открытием храмов.

Основной чертой такого правления становится отсутствие индивидуальности правителя. Это отслеживается по изображениям на монументах и описаниям в тексте. Все они подгоняются под портрет идеального властителя, видимо, имеющий архетипическую природу. Делается особый упор на выражение принципа власти: прямые, до висков, полосы бровей и век; толстая и короткая шея; условный рисунок рта, плоские губы; тяжесть форм тела; строгость композиции статуи.

Церемония вступления фараона на трон проводилась всегда в Мемфисе. Она воспроизводила ту, которая была проведена первым правителем Менесом. Главной идеей церемонии было не напоминание о деяниях первого царя, а обновление того созидательного источника, который присутствовал в первоначальном событии.

Сплочение государства равнялось космогонии; фараон, воплощённый бог, устанавливал новый мир. Божественная сущность фараона являлась гарантией сохранения мирового порядка. После смерти фараон не умирал, как остальные люди, а перемещался на небо. Так обеспечивалась преемственность божественных воплощений и незыблемость космического порядка.

В Китае император, как гарант космического порядка, должен был в каждое время года жить в соответствующих покоях, носить определённую одежду и принимать строго предназначенную для этого периода времени пищу. Предполагалось, что через музыку приводятся в гармонию Небо и Земля и осуществляются принципы управления человеческим обществом: «... тот, кто разбирается в голосах, тем самым познаёт звук; тот, кто разбирается в звуках, тем самым познаёт музыку; тот, кто разбирается в музыке, тем самым познаёт способы управления государством». Поэтому владение музыкальными инструментами было желательным для монарха и других правителей и чиновников.

Кельты считали, что в период межвременья все пять правителей страны обязаны находиться вместе в её центре, расположившись в соответствии со сторонами света, и противостоять хаосу.

В целом, образ властителя в мифологическом сознании был подчинён общей идее ритмического соотношения Космоса и Хаоса и ориентирован на поддержание мирового порядка. Власть выступала как воплощение первообразца мироустройства и этим обретала сакральный статус. Подданные, в свою очередь, должны были стать идеальными составляющими этой системы, также полностью вписанными в космический порядок. Главной составляющей, обеспечивающей такое поведение, является ритуал.

В древнем Китае ритуал обозначался термином «ли». Если расширить его смысл, то «ли» будет

обозначать благопристойность. То есть, совокупность всех ритуально-этикетных церемоний, направленных на упорядочение социального Космоса. Выражением должностования для человека в следовании «ли» является каноническая форма «учитель сказал» как мера отношения к единому порядку: «Учитель сказал: уважительность без ритуала — пустая суетливость, осторожность без ритуала — та же трусость, доблесть без ритуала превращается в бунтарство, прямота без ритуала — грубость». Один из ближайших учеников Конфуция говорил, что важность ритуала заключается в том, что он «приводит людей к согласию».

Культура — вэнь — выступает как форма существования совершенного человека, выполняющего ритуал: «Конфуций сказал: преодоление себя и обращение к благопристойности «ли» составляет гуманность. Расширяя свои познания в культуре «вэнь» и стягивая их с помощью «ли», можно избежать нарушений».

Ритуал в конфуцианстве выступает как внутренний принцип, обеспечивающий помещённость человека в систему культуры и мифологической картины мира. Человек является неотрывной частью общего движения «ци юнь» в своём следовании «ли». «Ритуал должен исходить из великого единого, которое, делясь, образует небо и землю, в своём круговращении являет светлое и тёмное, изменяясь, даёт четыре времени года».

Таким образом, для мифологического сознания идеальное политическое устройство представляет собой гармоничное сочетание поведения правителя и подданного, соответствующее космическому ритму в ритуале.

В античной традиции также существовало отношение между властью и мифом, но на традиционно мифологическое восприятие субъектов и объектов политической сферы накладывалась возникшая власть Логоса над мифом. Вся метафизика античности является философским обоснованием этого отношения.

Избранные пассажи из «Метафизики» и «Герменевтики» Аристотеля позволяют более строго

обозначить границы метафизического вопрошания. Согласно четвёртой книге «Метафизики», «первая философия занимается сущим и тем, что ему присуще само по себе». Она вопрошает о сущем, поскольку оно есть, либо обладает бытием (бытие сущего). Следовательно, форма вопроса подчинена онтологической дифференциации. Проблема бытия заключается в том, чтобы не создавать мифы. Разделял ли сам Аристотель понятия сущего и бытия? Вопрос «Что есть сущее?» он рассматривал в контексте значения этой категории: «Сущее сказывается многими способами».¹ Однако сам мыслитель сводит всё многообразие к четырём сущностям. Здесь важен момент ограничения имеющегося поля значений в языке. В философии Аристотеля онтологическая грамматика языка — «Бытие есть, что бытие» — определяется границами самой метафизики, и, наоборот, в границах метафизики язык онтологизируется.

Появляется человек как политическое существо — «общественное животное», по Аристотелю, владеющее Логосом и спрашивающее о его природе. Появляется риторика как инструмент осуществления политического господства. Платон и Аристотель создают модели идеального политического устройства государства, которые, с одной стороны, выходят за рамки мифологического восприятия, а с другой — воспроизводят ряд принципов государственного устройства, декларируемых в мифе. Общей тенденцией в характеристике политического, как и других объектов рассмотрения, становится его демифологизация. Эта тенденция господства Логоса над мифом сохраняется во всей классической философии европейского рационализма и меняет свою природу только после лингвистической революции XX века. Появляется неклассический подход к языку, предполагающий его деонтологизацию и ремифологизацию. Результатом становится возникновение новой мифологии политического.

¹ Аристотель. Об истолковании. // Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. Т. 2. М., 1975. С. 182